Развалившись в кресле, полковник Роман Гилев пристально смотрел на телефон, словно гипнотизируя его взглядом. Прошло минуты три, и аппарат слабо тренькнул, тихий звонок чуть всколыхнул пахнущий жасмином теплый июльский воздух, струившийся через распахнутое окно. Роман лениво протянул руку, поднял трубку и сказал:

- Я готов генерал.

Евгений, которого было нелегко сбить с толка, на несколько секунд опешил, но быстро справился с удивлением и ответил в тон Роману, не представляясь и задавая лишних вопросов:

- Очень рад за тебя, мальчик.

- Добрый вечер.

Тоскуя от безделья, в своем коттедже, Роман нетерпеливо ждал этого звонка и заранее решил, что именно так построит разговор с шефом: пусть генерал в первую очередь услышит то, что любой начальник хочет услышать от своего подчиненного, а уж затем можно вспомнить и о хороших манерах.

Конечно, "сверху" поступали не просьбы, а приказы; тем не менее, Роман никогда не сомневался в одном - откажись он от задания, и Евгений пойдет ему навстречу, придумает сотню уважительных причин, по которым лучшему из агентов следует предоставить годичный отпуск. Другое дело, что отпуск был ему совершенно не нужен, а его хандра объяснялась тянувшемся второй месяц относительным бездельем. Прошло уже три недели с тех пор, как ему вшили спейсер под левую подмышку, крохотная ранка успела зарубцеваться, а приказ все никак не поступал.

- Добрый вечер, Рома, - Евгений суховато рассмеялся, затем резонно заметил: - Хорошая шутка! Что там творится у вас в Питере? Локальное солнечное затмение? Если мои часы не врут, сейчас едва перевалило за полдень. - Помолчав, он нерешительно произнес: - Что-то случилось? Как ты себя чувствуешь, мой мальчик?

- Я в полном порядке! - заверил Роман своего начальника. - Просто время не имеет столь уж существенного значения - по крайней мере, для меня и в данный момент. Время - категория относительная... как и вся наша жизнь.

- М-да... Нечасто мне доводилось слышать такое от людей нашей профессии, - в голосе генерала звучала тревога. - Кажется, ты никогда не был приверженцем философии пессимистического толка.

- Простите, я вообще не философ. И не ипохондрик. Я не страдаю приступами пессимизма, депрессии, фатализма, раздвоением сознания и прочими глупостями. Я даже не могу рассчитывать на элементарное психическое расстройство...

- Превосходно, что ты так уверен в себе.

- Я действительно уверен в себе. Если вы желаете проинспектировать мое физическое состояние, я готов бегом добраться до вашего кабинета, взять вас на плечи и еще быстрее преодолеть дистанцию до берлоги доктора.

- Вот как? - генерал помолчал. - Похоже, тебе чего-то не хватает, Ром... а? - заметил он, чувствуя, как его охватывает беспокойство. Разговор этот был странным - не менее странным, чем поведение Романа в последние недели. Казалось, он никак не может прийти в себя после

странствия в Меоту - хотя, судя по отчету, там не случилось чего-либо экстраординарного. Ничего такого, с чем Рома не сталкивался бы раньше, на Земле, в Альбе или Кате. Немного крови, немного интриг, несколько... гммм ... непривычная сексуальная практика и забавные традиции, скажем так. Неужели они настолько сильно подействовали на Рому?

Евгений прочистил горло и повторил:

- Тебе чего-то не хватает, Рома? Раньше я не замечал у себя приступов хандры. Может быть, небольшой отпуск...

- Ни в коем случае, - Роман сделал паузу, словно прислушиваясь и присматриваясь к тому, что неясным видением клубилось перед его мысленным взором; генерал слышал его слегка учащенное дыхание. - Если мне чего и не хватает, так это ощущений, которые я получаю в другом мире... Чувства необычного... - он снова замолчал, сунул ладонь за ворот просторной рубашки и погладил кончиками пальцев едва заметную выпуклость спейсера. Потом разведчик задумчиво произнес: - И еще одно... Вам случалось принимать горькое лекарство? И вы, конечно, помните, что старались тут же запить его чем-нибудь подходящим, не так ли?

Евгений, прижимая трубку ухом к плечу, полез в стол за трубкой и табаком. Разговор принимал столь непривычный поворот.

- Что это значит, Рома? - спросил он. - Разве твой последний вояж был неудачным? Мне представляется, совсем наоборот... Ты удрал из этого Содома без единой царапинки и с неплохой добычей. Я полагаю, ты должен остаться довольным.

- Царапины бывают не только на коже, - медленно произнес Роман, и генерал, невольно поморщился. Нет, с Ромкой определенно творится что-то неладное!

- Значит, ты снова готов в дорогу? - это было скорее утверждение, чем вопрос. Роман не ответил, и генерал, как положено начальнику, подвел итог беседы: - Что ж, тогда до скорой встречи. О сроке я сообщу. - Он осторожно положил трубку и с задумчивостью уставился на телефон.

* * *

- Максимов, пожалуйста ... - аппарат спецсвязи чуть слышно гудел, превращая слова в неразборчивую мешанину электрических импульсов. - Это вы, доктор? Генерал у телефона.

- Что-нибудь случилось? - суховатый голос Максимова был тревожным: Евгений, великий поборник конспирации, звонил ему крайне редко. - Надеюсь, не с Ром...

- Без имен, прошу вас. Случилось - и именно с ним.

- Что? Он жив?

- Жив и здоров, если вас интересует именно это. Но... - Евгений сделал многозначительную паузу. - Конечно, я не врач, но в данном случае рискну поставить диагноз. По-моему, он тоскует.

- Хммм... Я не думал, что Роман способен испытывать такие чувства

- Он живой человек и способен испытывать все, что и мы с вами, даже больше, - генерал снова помолчал, надеясь, что эта мысль дойдет до Максимова. Говоря по правде, шеф сомневался,

что его ученый собеседник может вообще ощущать что-либо, кроме нежной привязанности к своим машинам. - Но дело не в том, что Рома хандрит, - продолжал он, - меня тревожит другое: я не понимаю причины его состояния. Он пробыл месяц в Москве со своей девушкой, потом внезапно уехал на побережье, в свой коттедж - кстати, один. В прошлую пятницу был у меня - я вручал ему патент. Вы знаете, он получил погоны пол...

- Без званий, прошу вас, - тон доктора был слегка насмешливым. Насколько я представляю, вы не понимаете причин, но имеете гипотезы? Какие же?

- Возможно, он не в состоянии что-то вспомнить... возможно, скрыл от нас какой-то факт, не отразив его в отчете... Возможно...

- ...ему просто скучно, - подхватил Максимов. - Что ж, есть отличное средство, которое избавит его от хандры.

- У вас все готово?

- Да. Вчера я провел последние испытания приемного блока - того самого, который должен уловить сигнал от спенсера Ромы и включить автоматику возврата. Правда, у меня есть еще кое-какие сомнения...

- Надеюсь, это не скажется на его безопасности?

- Никоим образом. Со спейсером или без оного Роман попадет туда, куда назначено судьбой и компьютером. Однако может наблюдаться эффект обратной связи... очень слабый, я не представляю, как он повлияет на процесс переноса. Если бы Роман совсем не думал в этот момент, я был бы спокойнее.

- Совсем не думать невозможно, - заметил генерал - Пусть уж лучше представляет рай.

- Магометанский - другой ему не подойдет, - трубка донесла суховатый смешок Максимова. - Итак, назначим срок. Послезавтра - устраивает?

- Вполне. Я извещу Романа. - Евгений уже вознамерился закончить разговор, как вспомнил еще об одном нюансе: - Мне хотелось бы проводить его... до самого места. Не возражаете?

- Буду рад повидать вас, мой дорогой.

Максимов отсоединился. Положив трубку на стол, генерал потянулся к другому аппарату, представляя, с каким нетерпением юный отшельник ждет его звонка в своем коттедже, окруженном цветущими кустами жасмина.

* * *

Они встретились в "берлоге" Максимова через два дня. На этот раз генерал не только довел своего подчиненного до лифта, но и шагнул вслед за ним в тесную кабинку. Вероятно, это посещение заранее согласовано с доктором, решил Роман, так как дюжие парни, которые несли охрану в верхних коридорах, не шевельнулись. Лифт пошел вниз, ко второму посту, где дежурили морские пехотинцы, и где гостей уже поджидал Максимов.

Он был в своем неизменном белом халате, который давно потерял первоначальный цвет, из карманов торчали пухлые блокноты, отвертка и моток проводов. Иногда Роман удивлялся, чем занимаются ассистенты доктора, казалось, он никого не подпускал к компьютеру, держа эту

молодую поросль российской науки на вторых ролях. Из кратких замечаний, которые профессор иной раз ронял в адрес своих помощников, у Романа создалось впечатление, что он считает их всех безголовыми кретинами и имбецилами. Наверняка это было не так, ибо всевозможные новые приставки к гигантскому компьютеру росли, как на дрожжах; Максимов просто не справился бы один с таким объемом работ.

Старый ученый протянул руку Евгению, потом бросил острый взгляд на Романа.

- Вы, как всегда, в прекрасной форме, Роман, - сухо заметил он, направляясь по длинному коридору в свое святилище. Посетители двинулись за ним, прислушиваясь к мерному гулу машин, рокоту вентиляторов и пулеметной дроби печатающих устройств: огромный компьютерный комплекс под древними башнями Тауэра функционировал в обычном режиме, ежедневно поглощая тысячи из секретного фонда президента. Случалось, правда, что и проект "Измерение Икс" приносил кое-что российскому казначейству - и в этом смысле последнее путешествие Романа в Меоту было отнюдь не бесплодным.

Они прошли компьютерный зал, который Евгений осмотрел с нескрываемым любопытством, и доктор, остановившись у колпака коммуникатора, кивнул Роману на маленькую дверь. Там, в крохотной раздевалке, путешественник обычно разоблачался и отряхивал с себя прах земной перед отбытием в иные миры. Стягивая куртку, Роман без лишних слов направился туда, но его шеф неожиданно поднял руку, остановив разведчика на половине дороги.

- Один вопрос. Рома, - произнес он строгим голосом, словно напоминая, что в его обязанность входит задавать вопросы, тогда как Роману положено на них отвечать. - Все ли вы рассказали нам о Меоте? После нашего последнего разговора у меня складывается ощущение, что...

- Ваши ощущения субъективны, - заметил доктор и махнул рукой в сторону раздевалки; Роман, подчиняясь этому безмолвному приказу, шагнул через порог и начал неторопливо сбрасывать одежду. Старый ученый, кивнув Евгению на стул рядом с панелью компьютера, принялся расхаживать по лаборатории; потом он заговорил - обычным своим суховатым тоном, словно читал лекцию или доклад на научном симпозиуме:

- Напомню, что Роман при всем желании не может ничего скрыть, ибо диктует первый вариант отчета под гипнозом. Он передал нам всю информацию по Меоте - абсолютно все факты. Другое дело, что они оказались скорее забавными, чем полезными... - доктор недовольно хмыкнул. - Ну что ж... зато эти золотые доспехи, которые Роману удалось доставить сюда, являются более чем достаточной компенсацией за прочие потери. Тридцать килограмм чистого золота! Такие средства позволят финансировать наш проект в течение...

Евгений прервал его.

- Я имею в виду совсем не факты... Факты изложены в официальном отчете, и я ни на миг не сомневаюсь в их достоверности. Речь идет о более неопределенных и, в то же время, весьма важных материях. Эмоции, впечатления, подсознательные ощущения...

- Что до ощущений, то они всплывут в его памяти еще не скоро, - Максимов остановился, бросив взгляд на могучую фигуру Романа, шагнувшего из раздевалки в зал. Разведчик был почти нагим - если не считать набедренной повязки, охватывавшей его чресла. - Ощущения - как крепкий бульон, который кипит на медленном огне; чтобы мы восприняли его аромат, должно пройти время и должна испариться лишняя вода.

- Мне кажется, этот тезис лишен присущей вам логики, - улыбнувшись, заметил генерал.

- Отнюдь, - Максимов покачал головой. Он остановился возле пульта компьютера, с привычной сноровкой проверяя показания датчиков на приборных панелях. Раздался легкий щелчок - пошел контрольный отсчет времени. Роман Гилев глубоко вздохнул и уселся в кресло под большим колпаком, с которого свешивались вниз жгуты разноцветных проводов с плоскими контактными пластинами. Максимов приступил к следующей фазе операции, накладывая контакты на кожу Романа, обильно умащенную предохраняющей от ожогов мазью.

Евгений сидел, молча, с профессиональным терпением бывалого разведчика дожидаясь объяснений Максимова.

- Отнюдь, - повторил доктор. - Ощущения быстротечны; они откладываются в подсознании и оживают для Романа там, где нам с вами никогда не побывать, куда дорога для нас закрыта, Евгений вероятно, возвратившись из нового странствия, Роман сумеет припомнить что-нибудь еще о Меоте, - он ловко прилепил очередной электрод. - Когда вы рассуждаете о собственных ощущениях, генерал, вы, прежде всего, имеете в виду свой опыт, который подталкивает вас делать выводы согласно накопленной за долгие годы информации...

- Не хочу, чтобы мои слова прозвучали пророчеством, - неожиданно прервал профессора Евгений, - но сегодняшний старт почему-то тревожит меня. Словно мы отправляем Романа прямиком в...

- Преисподнюю? - Роман вопросительно поднял брови.

Евгений не ответил.

Максимов, напротив, неожиданно рассмеялся:

- Ну, если и не в преисподнюю, то в чистилище, в обитель неосуществленных планов и рухнувших надежд... Тех самых, что порождаются смутными и неясными ощущениями.

Роман Гилев усмехнулся, внезапно почувствовав нечто вроде облегчения.

- Вы абсолютно правы! Но в огне чистилища еще можно сохранить надежду, тогда как на ледяных кругах ада ей нет места... Весь вопрос в том, куда я попаду.

Похоже, ситуация несколько смягчилась. Евгений подавив беспокойство, в свою очередь заулыбался и, подчеркивая неофициальность обстановки, снова перешел на "ты":

- Ты шутишь - и теперь нравишься мне гораздо больше, мой мальчик! Надеюсь, что лекарство, которое сейчас пропишет тебе профессор, окажется слаще предыдущего...

Роман благодарно кивнул.

- Иногда ощущения всплывают в виде конкретной информации спустя много лет, - задумчиво произнес он. - И на давно минувшие события внезапно смотришь совсем другими глазами...

- Верно. Только тогда вы и сможете поведать нам всю их скрытую суть, согласился Максимов. Повернувшись к генералу, он продолжал: - Роман еще молод для обобщений и писания мемуаров. Сейчас он - репортер, рассказывающий нам о конкретных фактах. Их анализ и оценку, даже для себя самого, он сможет дать совсем, совсем нескоро...

Роман почувствовал себя почти счастливым. Максимов, человек с компьютером вместо сердца, действительно уловил его настроение. Надо же, старик оказался не только отличным

кибернетиком, но и недурным психологом... Как будто за то время, что они не виделись, он написал для института очередной обязательный курс: "Старение, как фактор более объективного самоанализа" и сейчас проверял на практике основные тезисы своего труда.

Роман Гилев улыбнулся провожавшим его старикам.

- Ну, теперь я действительно готов на все сто процентов. И мое желание отправиться в путь вы звано не только чувством долга, но и неким внутренним фактором, напоминающим болезнь. Меня поразил штамм Вируса - Вирус Измерения Икс... - он пожал плачами, и кабели, окутывающие его тело, дрогнули. - Я не психолог и не врач, так что затрудняюсь точнее определить свое состояние. Но существует неоспоримый факт - я действительно чувствовал в последнее время некую вялость, вызванную подсознательным стремлением "покинуть мир сей"... Роман снова усмехнулся. - Возможно, преисподняя подходит для меня самым наилучшим образом.

Евгений смотрел на мощное, прекрасно вылепленное тело Романа, с некоторой завистью размышляя о том, что Максимов действительно прав. Так просто судить об ощущениях молодости с высоты прожитых лет. А Роман, он... он еще не анализирует ощущения, а предпочитает их получать. Он - в постоянной погоне за ними, догоняет и наполняет ими свою жизнь... Что ж, весьма интересный феномен! Жаль только, что нельзя проследить его еще на ком-нибудь... Роман уникален, как та курица, что несет золотые яйца. И его, главная задача вкупе с доктором - снабжать Романа новыми ощущениями, чтобы он продолжал приносить яйцо за яйцом.

Евгений повернулся к ученому, открыв, было рот, но тот только раздраженно махнул рукой; пальцы старика, похожие на клешни краба, танцевали по клавишам на панели компьютера.

- Мы побеседуем чуть позже, - буркнул он не слишком вежливо. - Мне надо дать Роману последние инструкции.

Роман кивнул, подняв на старого ученого внимательный и напряженный взгляд; предстартовое волнение с каждой секундой охватывало его все сильнее.

- Итак, вы впервые совершаете путешествие с регулируемым возвратом, произнес Максимов, многозначительно хлопнув себя по левому боку. - Определим срок вашего пребывания и мирах иных дней, скажем, в шестьдесят. Однако вы можете в любой момент подать сигнал возврата, нажав на спейсер. Он вшит в самое безопасное место, под мышку, что гарантирует нас от случайного включения прибора. И еще одно, - старик поднял палец, призывая Романа к вниманию. - Напомню вам, что для запуска спейсера надо приложить определенное усилие. Не просто нажать, а ударить изо всех сил! Тогда лопнет защитная оболочка, устройство войдет в резонанс с вашей нервной системой и...

* * *

В этот момент Роман Гилев отключился. То есть какая-то частичка его сознания продолжала стоять на страже, он вслушивался в монотонный голос доктора, повторявший давно заученное наизусть. Но главный поток его мыслей устремился в сторону - словно буйная река, наткнувшаяся на плотину, и Роман вдруг поймал себя на том, что опять прокручивает в голове события последних недель, как делал уже не раз.

Вернувшись из Меоты, он провел месяц в своей московской квартире вместе с Еленой. Почему-то тянулись те дни на редкость однообразно: просыпаясь, он быстро вставал и, будто не замечая вопросительного взгляда девушки, наскоро принимал душ, брился, завтракал, молча,

одевался и шел в музей. Елена сперва немало удивлялась его неожиданной тяге к искусству, но вскоре приметила, что маршруты ее возлюбленного по лабиринту переходов и залов с завидным постоянством приводят к одному и тому, же экспонату. Кстати, Роман не слишком настойчиво приглашал девушку с собой, поэтому ей начинало казаться, что она играет роль собачонки, семенящей, следом, за хозяином.

Однажды утром, после прошедшего в полном молчании завтрака, Елена собрала вещи и сообщила, что уезжает к сестре.

В тот момент Роман был так невнимателен и рассеян.

Несколько обескураженный, он проводил девушку до дверей, поцеловал в напряженно сжатые губы, а затем, по профессиональной привычке, проследил из-за шторы, как она садится в такси. Сам же он вновь отправился в Музей. И на этот раз, поскольку Елены рядом с ним не было, и не было нужды придумывать путаные маршруты, он устремился прямиком к цели.

С каким-то необъяснимым и жгучим нетерпением Роман Гилев шел к мраморным барельефам "Амазономахии"... Нет, не амазонки как таковые влекли его сюда и не историческая ценность одного из семи чудес света, прекрасного Мавзолея из Галикарнаса, представленного фрагментами скульптурного фриза работы Скопаса...

От себя он не мог скрыть истинной причины своей хандры. Несомненно, дело заключалось в том, что все артефакты, доставленные им из чужих миров как и сами эти реальности Измерения Икс - навсегда исчезали из его жизни, исчезали бесповоротно и бесследно, превращаясь в фантом, мираж, иллюзию, подкрепленную только смутными воспоминаниями. Роман не мог сказать, где сейчас находятся черная жемчужина и нефритовая статуэтка, принесенные им из Альбы и Ката, что касается меотского панциря, то он, вероятно, пополнил золотой запас российского казначейства.

Но здесь, в этом зале, Меота вновь становилась для него реальностью, чудесным образом возрождаясь к жизни. Он не сводил очарованных глаз с мраморного фриза, изображавшего битву греков с амазонками. Тела, сильные и одновременно женственные, прекрасные лица, разметавшиеся по плечам кудри, стройные ноги, округлость грудей, плеч, ягодиц... огонь, порыв, неистовый грохот бури и стремительность горного обвала! Он был потрясен мастерством скульптора. Можно было подумать, что тот, за две с лишним тысячи лет до него, до Романа Гилева, побывал в том же Раю... в безумной, невозможной, незабываемой Меоте!

Неужели прозорливость Скопаса - или сказочное стечение обстоятельств и в самом деле позволило скульптору пробиться туда? Без всяких хитроумных устройств, без компьютера? Неужели он видел живые лики тех, кого познал Роман, и перенес их на мрамор в нашем земном мире? Нет, смешно даже предполагать нечто подобное... Конечно, Скопас был великим мастером и обладал потрясающим воображением... оно и только оно вдохновляло его гений. И он имел дело с холодным мертвым камнем... Лишь Роману Гилеву было суждено сжимать в трепетных ладонях не мраморные, а живые и теплые груди амазонок.

Это было словно дурман, словно наркотик. Какая-то сила опять и опять тянула его в этот зал, к мраморным барельефам, к телам, сплетенным в яростном сражении... Наконец, он смог превозмочь их застывшее мертвое очарование; выход был один – бегство. И он убежал в Питер...

Очнувшись, разведчик глубоко вздохнул. Вот и сейчас, буквально через считанные секунды, он вновь уйдет в неизведанное... и, словно приглашенную по телефону гулящую девицу, его могут

ждать и уродливые, и прекрасные клиенты. Как повезет... Впрочем, Роман надеялся, что удача будет его неизменной и благожелательной спутницей.

Он надеялся... Что еще ему оставалось?

- Роман! - раздался скрипучий голос доктора. - Я прошу вас на секунду расслабиться и ни о чем не думать...

Роман Гилев окончательно выключил трансляцию из Музея, мысленно превратив мраморные барельефы Скопаса в одно огромное белое поле. Потом этот внутренний экран всколыхнулся, пошел легкими снежными крапинками, которые сыпались откуда-то сверху, снизу, со всех сторон. Их становилось все больше и больше, словно чудовищный ураган раскручивал полярные снега, вздымая их в воздух своим ледяным дыханием, холодными ладонями оглаживая нагое и беззащитное тело человека. Сильный поток воздуха подхватил Романа и швырнул прямо в необозримый морозный простор.

http://tl.rulate.ru/book/22670/480743